

Елена Семенова¹

ВКЛАД Ж. ДЕЛЁЗА В РАЗРАБОТКУ КОНЦЕПТА «ЮМОР ПРОТИВ ИРОНИИ»

Аннотация. Статья посвящена идеям Ж. Делёза о юморе и иронии, изложенным в двух его работах «Логика смысла» и «Различие и повторение», которые, по мнению автора, не были рассмотрены в качестве стадии формирования концепта «юмор против иронии». Чтобы оценить вклад Делёза в разработку концепта «юмор против иронии», предлагается обратиться к результатам современной междисциплинарной науки «антропология смеха». В статье используется форма заочного триалога между Ж. Делёзом, М. М. Бахтиным и А. Г. Козинцевым на предмет отличий юмора от иронии.

Ключевые слова: Ж. Делёз, М. М. Бахтин А. Г. Козинцев, триалог, юмор, ирония, концепт.

Elena Semenova

DELEUZE'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT "HUMOR VS. IRONY"

Abstract. The article is devoted to ideas of Gilles Deleuze about humor and irony, set out in his *The Logic of Sense* and *Difference and Repetition*, which, according to the present author, have not been considered as a stage in the formation of the concept of "humor versus irony". In order to evaluate Deleuze's contribution to the development of the concept of "humor against irony", I propose to refer to the results of the modern interdisciplinary science, "anthropology of laughter". The form of a correspondence trilogy between Deleuze, Mikhail Bakhtin and Alexander Kozintsev on the subject of differences between humor and irony is used in the paper. *Keywords:* Gilles Deleuze, Mikhail Bakhtin, Alexander Kozintsev, trilogy, humor, irony, concept.

Для цитирования: Семенова Е. А. Вклад Ж. Делёза в разработку концепта «юмор против иронии» // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 3. С. 305–316. DOI: 10.52119/LPHS.2022.60.67.011.

Работы Жюль Делёза по праву признаны философскими бестселлерами. Многие определения, понятия и концепты этого выдающегося мыслителя транспонируются на различные научные сферы и области знания, включая лингвистику, филологию, экономику, социологию, театроведение, Performance Studies, психологию, литературоведение, культурологию, гендерные исследования, географию (Robaszkiewicz 2014: 207).

---

¹ Семенова Елена Александровна — кандидат педагогических наук, директор НП «Театр-ЭКС». *Elena Semenova*, PhD (Pedagogical Sciences), Director, NP "Theatre-EX". semenova05@list.ru

В научной литературе, посвящённой Делёзу, фигурируют исследовательские объекты-дуэты — Делёз—Гваттари (Наумова 2016; Сычева 2003), объекты-диады — Делёз—Хейзинга (Аликин 2012) и Делёз—Ницше (Бурнаев 2006; Ирицян 2014) и даже объекты-дуэли — Делёз—Деррида (Bearn 2000), Делёз—Бадью (Пилюгина 2014) и Делёз—Жижек (Smith 2005). Впрочем, это закономерно. Делёз работал не только один, но и в коллаборациях с такими мыслителями, как Жак Деррида, Феликс Гваттари, вёл виртуальный диалог с Фридрихом Ницше, Бенедиктом Спинозой, Анри Бергсоном, Иммануилом Кантом, Львом Шестовым, Федором Достоевским, Жаком Лаканом, Мишелем Фуко и многими другими своими предшественниками и современниками. Сам Делёз часто создавал философские диптихи, триптихи (Кьеркегор — Ницше — Пеги; Делёз 1998: 18), устраивал на страницах своих трудов философские поединки («Кьеркегор — против Гегеля, Ницше — против Канта и Гегеля»; там же: 19).

Исследователи отмечают притягательность и сложность его философии, которая, подобно философии Ницше, «заминирована» для герменевтики и исторической теории. Во-первых, его суждения выглядят как шутки и афоризмы (Johnson 2012: 301–302). Достаточно вспомнить вызывающее делёзовское сравнение истории философии с разновидностью «извращенного совокупления или, что то же самое, непорочного зачатия» (Делёз 2011: 5). В своей книге «Бумажный клоун, или Четвёртое лицо единственного числа» Леонид Песок не скрывает своего пиетета перед Делёзом настолько, что в название книги помещает цитату из «Логика смысла». Самого Делёза Песок выделяет из всех других философов, поскольку он, по его мнению, «единственный, кто запросто мог бы надеть клоунские причиндалы» (Песок 2004). Сложно сразу ответить, где в тексте сам Делёз выступает как серьёзный автор, а где как «невидимый сказчик» или «комедиант». Например, в тексте «Рискуя показаться идиотом, сделаем это по-русски...» (Делёз 1998: 165) непросто определить, что перед нами: авторская ирония или юмор.

Во-вторых, весьма оригинальный стиль работ Делёза, получившего классическое философское образование, можно отнести к научно-фантастическому стилю изложения. По мнению Делёза, «Философская книга должна быть, с одной стороны, особым видом детективного романа, а с другой — родом научной фантастики» (там же: 10).

В-третьих, такие авторские, а также разработанные им совместно с Гваттари понятия Делёза, как «номадизм», «пизоанализ», «ризома», «машины желания», «тело без органов» и другие, представляют собой интеллектуальные, «творческие и даже революционные» (Cull 2009: 53) концепты, возникающие вследствие неразрешимых вопросов и актуальных проблем.

При этом, несмотря на чрезвычайно высокий интерес к идеям Делёза в научном мире, весьма ценные и оригинальные идеи философа, изложенные в работах «Логика смысла» и «Различие и повторение», не были до сегодняшнего дня, как представляется, подвергнуты рефлексии в контексте онтологического подхода к

изучению природы смеха. Между тем актуальность обращения к различиям природы иронии и юмора обусловлена постоянной путаницей, возникающей при любой попытке отличить юмор от иронии. Довольно распространенными являются случаи контрабанды агрессивного содержания, упакованного в юмористическую форму. В связи с этим возникает потребность в надёжной теории или концепции, помогающей отличать юмор от иронии и псевдо-юмора.

Мы считаем, что Делёз, в отличие известных постмодернистских философов, рассматривающих карнавал как одну из форм генеалогии и исторического времени (Foucault 1977: 161) и рассуждающих о смехе и остроумии (Бодрийяр 2000: 366–379), оказался ближе всех к созданию концепта «юмор против иронии». Несмотря на справедливое замечание Александра Козинцева о том, что «[с]ами постмодернисты, впрочем, проявляют к юмору мало интереса» (Козинцев 2013: 146), было бы несправедливо отнести это замечание к философии Делёза, который увлечённо работал над определением симптомов юмора и иронии задолго до появления междисциплинарной науки о смехе (Козинцев 2012). Тем не менее, приходится признать, что суждения Делёза о юморе и иронии часто используются с целью поддерживать классические (преимущественно феноменологические) определения иронии и юмора. Напомним, что феноменология и онтология представляют собой «два философских подхода к реальности... Онтология — учение о сущем, о том, какова реальность сама по себе. Феноменология — учение о том, как реальность отображается в нашем сознании» (Козинцев 2021: 10). Чаще всего нам предлагается не онтологический анализ смеха, а индивидуально окрашенные, субъективные точки зрения на юмор и иронию. Как правило, это философский (феноменологический) или лингвистический анализ, в котором авторы увлечены поисками семантики иронии и юмора.

Кратко остановимся на нескольких примерах. Свое диссертационное исследование «Ирония: проблема определения и роль в философском познании» автор начинает со следующего утверждения: «Ирония (от греч. εἰρωνεία — притворство) обычно понимается как особая форма критического мышления, основанная на притворстве и иносказании. Ирония есть притворное одобрение критикуемого тезиса и неявное иносказательное утверждение антитезиса. В зависимости от величины своего критического потенциала ирония бывает комической (если отрицание преобладает над согласием), юмористической (когда преобладает позитивное отношение к тезису) и саркастической (когда критик язвительно насмехается над тезисом, якобы одобряемым им)» (Фархитдинова 2004). Тезисов, содержащихся в первом абзаце исследования, в целом уже было бы достаточно для выдвижения контраргументов в адрес утверждения о том, что ирония бывает юмористической. Вследствие того что ирония, согласно результатам современных междисциплинарных исследований смеха, в отличие от юмора, находится в особых взаимоотношениях с языком, она не может быть юмористической (подробнее об этом далее).

Приведем второй пример, на материале которого не сложно увидеть некото-

рую поверхностность понимания специфики юмора в целом и делёзовского юмора в частности. Мария Мусийчук, посвятившая ряд исследований теме юмора и комизма в психотерапевтической сфере, в статье «Метаморфозы эмоций в период пандемии: контент-анализ механизмов юмора в интернет» (Мусийчук 2021: 407) пишет:

Юмор определяется Делёзом как номадическая (кочующая) сингулярность... понятие номадических потоков представляет собой гладкую поверхность по какой возможно движение в совершенно различных направлениях, порождающих множество вариантов решения (там же: 397).

Несмотря на то что автор считает, что данное определение юмора дает основание перейти к «поискам смысла эмоций в период пандемии через юмор в Интернет» (там же: 398), она оставляет открытым вопрос о том, в чем состоит суть юмора как номадической сингулярности в интернет-пространстве. Вместо этого, минуя довольно четко сформулированные Делёзом отличия юмора от иронии в «Логике смысла», Мусийчук заключает, что «юмористический эффект <...> достигается преимущественно такими приёмами остроумия, как: абсурд, парадокс, ирония (самоирония, сарказм)...» (там же: 401). Нельзя здесь не отметить некорректность толкования термина *гелозоический* как производного от *гелос*, который, по мнению Мусийчук, равнозначен «психофизиологическому основанию изменений в организме под воздействием юмора» (там же: 399).

Третий пример, на котором хотелось бы остановиться, демонстрирует слишком буквальное понимание специфики «поверхностности» (Беляева 2015) юмора и упрощенное толкование его антиреференциальной функции. В частности, Е. В. Беляева, рассматривая философскую категорию иронического в качестве наиболее приемлемого понятия для анализа иронии, среди пяти стержневых элементов иронического (слой, противоречие, наличие явного и скрытого слоев, смысл и коммуникативный субъект) выделяет смысл как его «сущностную характеристику» (там же: 52). Автор доказывает, что ирония отличается от юмора смысловой многослойностью. Подтверждение своей мысли автор находит в работах различных исследователей, среди которых фигурирует Ж. Делёз (там же: 49). В связи с этим хотелось бы возразить, что, согласно Делёзу, «Ирония (в отличие от юмора) не бывает „плоской“» (там же), приведя цитату из «Восемнадцатой серии: три образа философа» «Логике смысла», в которой речь заходит о третьем типе философа. Делёз комплементарно восклицает: «сколь основательны греки в силу своей поверхностности» (Делёз 1998: 173), — отмечая важность для философии открытия греков, впервые перенесших фокус внимания с таких критериев мысли, как глубина и высота, на поверхностность. Напомним, что за восемнадцатой серией «Логике смысла» сразу следует серия, посвященная юмору, в которой речь идет о двойном смысле поверхности юмора (там же: 176). На страницах «Логике смысла» Делёз своеобразно защищает антиреференциальную функцию юмора, считая, что,

несмотря на то что именно на «поверхностях располагается вся логика смысла» (там же: 127), смысл здесь есть всего лишь поверхностный эффект.

Кроме того, Делёз не только не присоединяется к философам, считающим смыслопорождение и глубину главной заслугой иронии, но бросает им вызов. Философ сомневается в том, что сильной стороной иронии является ее глубина, не без иронии сетуя на то, что иронии как раз недостает того самого «поверхностного» смысла (эффекта), который в избытке производит юмор (там же: 99–100).

В связи с этим можно допустить, что трактовка юмора и иронии Делёза позволяет увидеть в ней нечто большее, чем просто стимул для феноменологического анализа юмора, поскольку она созвучна современным исследованиям природы смеха, основанным на ценнейшем материале гуманитарных и естественных наук (Козинцев 2012). Идеи Делёза очень созвучны, во-первых, идеям Михаила Бахтина, спровоцировавшего во всем мире всплеск интереса к смеховой культуре, и, во-вторых, теории смеха Козинцева, изучающего смех в аспекте новой междисциплинарной науки, названной исследователем «антропологией смеха» (Козинцев 2012). Чтобы оценить вклад Делёза в разработку концепта «юмор против иронии», обратимся к современным достижениям в этой области.

Междисциплинарный подход к феномену смеха Козинцева представляется наиболее зрелым этапом формирования концепта «юмор против иронии». Под углом этологических исследований смеха и игры Козинцев рассматривает смех как эволюционное наследие *Homo sapiens*. Карнавализация, по его мнению, ведёт свою родословную от мирных архаических игр беспорядка, роднящих человека с животными: «Одна из главных черт карнавала, народного театра, клоунады, балагана, фарса и анти-поведения вообще игровая физическая агрессия» (Козинцев 2003: 125). В свою очередь декарнавализация, согласно Козинцеву, является причиной использования смеха в чуждых ему целях (демонстрации превосходства, сатиры, осмеяния и др.). Козинцев считает, что «[с]мех... возник из ритуализованного укуса. По происхождению это сигнал негативистской игры — игры в нарушение „донарошку“» (Козинцев 2021: 11).

Исследователь проводит строгий водораздел между иронией и юмором, утверждая, что «объединение двух типов языковой игры — иронии и юмора — в рамках одного родового понятия „комическое“ ошибочно. Ирония — это разновидность игры порядка. Подобно серьезной фантазии и лжи, она основана на полноценных знаках. Ирония изменяет модус высказывания, оставляя в неприкосновенности референцию и пропозицию. Юмор же — разновидность игры беспорядка. Он уничтожает референцию, вследствие чего пропозиция становится недоброкачественной, а модус — нерелевантным. Таким образом, суть юмора при взгляде с метауровня — отмена коммуникации, основанной на символах» (Козинцев 2008b). Таким образом, Козинцев выносит за пределы юмора «явления, находящиеся на границе между смехом и серьёзностью» (Козинцев 2013: 143).

К шести выделенным Романом Якобсоном функциям языка исследователь пред-

лагают добавить седьмую — антиреферентивную (Козинцев 2008а: 59–60), антиязыковую, взглянув на юмор как на мир третьей референции, то есть мир невозможный, противостоящий миру реальному (там же: 60) и миру художественному (там же: 61).

В своих исследованиях Козинцев приходит к выводу, что «юмор, в отличие от иронии, не передаёт смысл, а разрушает его. Это становится особенно очевидным, когда ирония пародируется юмором» (Козинцев 2007b). При этом в иронии, как в поверхностной интерпретации, «переносное значение... отражает подлинное убеждение говорящего» (Семенова 2021: 94), а «моделирование чужого поведения... осуществляется на сознательном и в основном словесном уровне» (Козинцев 2007b: 251).

В юмористической (глубинной по Козинцеву) интерпретации переносное значение «диаметрально противоположно» убеждению говорящего и, кроме того (Козинцев 2002: 201), моделирование чужого поведения происходит на бессознательном уровне (Козинцев 2007b). Козинцев считает, что юмор посвящает не на модус, а на саму референцию, автоматически делая модус неактуальным. Мы отказываемся воспринимать юмористическое сообщение потому, что референция вымышленна, как и все сообщение. Даже когда юмористические персонажи напоминают реальных людей, они всего лишь клоуны, поведение которых не должно принимать всерьёз (Kozintsev 2015). Козинцев считает, что «появление юмористической рефлексии и юмористического метаотношения означает не разделение личности на две противоборствующие институции, а появление у целостной и серьезной личности некоего призрачного (несерьезного) двойника (Козинцев 2007а: 68). Огромная заслуга Козинцева состоит в том, что он примиряет философию и этологию (Козинцев, Бутовская 1997). Теория Козинцева позволяет по-иному оценить провидческие идеи Бахтина о карнавальной пародии, которая работает «с... абсолютными топографическими значениями верха и низа» (Бахтин 1990: 28).

Бахтин специально не рассматривал юмор и иронию, подчёркивая, что в его планы не входило «более подробное рассмотрение отрицательного использования трансгredientных моментов избытка (высмеивание бытием) в сатире и комическом, а также своеобразное положение юмора» (там же: 223). Но он высказал ряд ценных суждений на этот счёт, в частности исключил возможность «отрицательного использования трансгredientных моментов (избытка видения, знания и оценки)» в юморе (там же: 222), поместил иронию в один ряд со злобой, недоверием, цинизмом и вызовом (Бахтин 2000: 167). Важные заключения сделаны философом на предмет вертикальной топографической оси (телесный низ и духовный верх) карнавальной культуры (Бахтин 1990) и горизонтальной поверхности смеха, показанной на примере карнавализации и редуцируемого смеха в пространстве литературы, не имеющего прямого выражения (Бахтин 1979). Редуцированный смех беззвучен, но в то же время он интонирует в самой структуре образа и слове, повсюду оставляя свой след, пропитывая всю ткань произведения. Размышляя

о жанре менишповой сатиры, относящейся к «области серьезно-смехового» (Бахтин 2002: 123), Бахтин обращает внимание на «карнавальный характер пародии», отмечая, что «[п]ародирование — это создание развенчивающего двойника» (там же: 144). Вспомним амбивалентную хвалу-брань Бахтина, в которой все имена собственные становятся именами нарицательными, а личность утрачивает самождественность, приобретая взамен веселую относительность.

Козинцев признает, что нет подтверждений тому, что «Бахтин был знаком с этологическими фактами или подозревал о том, что корни карнавала уходят в до-человеческое прошлое. Однако он подчеркивал огромную роль шуточных потасовок и иных форм „фамильярного“ телесного контакта в карнавализации, полагая, что именно на такой „площадной“ основе временно сбывались вековечные мечты о всеобщем равенстве и единении» (Козинцев 2003). Опираясь на лингвистику и этологию, Козинцев развивает и проясняет идеи Бахтина (Rose, Semenova 2021), в частности корректируя бахтинский термин «хвала-брань». Исследователь признаёт его не совсем удачным, поскольку «речь идёт не о многозначности шуточной брани, а о том, что однозначно бранное выражение в шуточной речи (в отличие от переадресованно-иронической речи) используется не по назначению» (Козинцев 2007b).

Наконец, что для нас в данной статье самое важное, теория юмора Козинцева высвечивает карнавальный взгляд на юмор Делёза. Без междисциплинарной теории смеха это было бы вряд ли возможно.

Обратимся непосредственно к идеям Делёза, соотнося их с перечисленными результатами современной междисциплинарной науки о смехе.

Несмотря на то что только девятнадцатая серия «Логики смысла» Делеза озаглавлена «Юмор», уже во «Второй серии парадоксов: поверхностные эффекты» речь заходит о юморе. Здесь Делёз связывает образ новой философии, новое философское мышление с прорывом стойков, открывших поверхностные эффекты и юмор. Говоря о юморе, Делёз подчеркивает его прогрессивность, — юмор отменяет кулисы, делая всё обозримым, публичным. Делёз пытается взглянуть на эволюцию философских взглядов в контексте изменения топографии смеха, география которого отныне больше не география глубин и высот, а процесс скольжения смыслов-событий. Первый мир у Делёза — мир смысла, который запрятан в норах, глубинах. Чтобы взорвать мир здравого смысла, в котором правит закон смесей, героине Алисе Льюиса Кэрролла нужно выкарабкаться на поверхность и взорвать его парадоксом (Делёз 2011: 158). Таким образом, Делёз предпринимает попытку взглянуть на юмор не только в культурно-историческом аспекте, но и в концептуальном плане — как на появление востребованного и долгожданного мировоззрения (концепта).

Уже в работе «Различие и повторение», впервые опубликованной в 1969 году, Делёз формулирует отличия юмора и иронии следующим образом:

Первый способ нарушения закона — иронический, ирония предстает здесь как владение принципами, как восхождение к принципам и их опровержение. Второй способ — это юмор, владение следствиями и нисхождениями, незавершенностью и падениями. ⟨...⟩ Повторение принадлежит к юмору и иронии; его сущность — в трансгрессии, исключении; оно всегда выступает в пользу особенности против частных, подчиненных закону, универсального против законополагающих общностей (Делёз 1998: 18).

В «Различии и повторении» Делёз пишет о том, что «Существует нечто по ту и по эту сторону закона, объединенное вечным возвращением, как ирония и чёрный юмор (там же: 20), и в другом месте:

Вот почему, как говорит Клоссовский, это не доктрина, но симулякр любой доктрины (самая высокая ирония); это не верование, а пародия на всякое верование (самый высокий юмор): вечно ожидаемые вера и доктрина (там же: 125).

Свой оригинальный анализ театральной природы философии Ницше и Кьеркегора Делёз строит на различиях юмора и иронии. Философию Кьеркегора Делёз называет «театром юмора и веры» (там же: 22), «поскольку история — театр, то повторение, трагическое и комическое в повторении образуют состояние движения, при котором „актеры“ или „герои“ совершают в истории нечто действительно новое» (там же: 24). По мнению Делёза, Кьеркегор предлагает нам театр веры, в котором

может также пригласить нас преодолеть эстетическое повторение, преодолеть иронию и даже юмор, с болью сознавая, что при этом он предлагает нам только эстетический, иронический и юмористический образ такого преодоления (там же: 22).

Философию Ницше он именуется театром безверия, в котором «юмор и ирония... непреодолимы, действуя в глубине природы» (там же). Делёз указывает на досубъектность юмора, отмечая, что

только тогда, когда нечто идентифицируется... между невозможными мирами, появляются объект = X, выходящий за пределы индивидуальных миров... превосходит [transcende] индивидуальные миры (Делёз 2011: 153).

В иронии Делёз отмечает главенство индивидуальности, личности (там же: 184). Если

ирония — это соразмерность бытия и индивида, или Я и представления, то юмор — это соразмерность смысла и нонсенса; юмор — искусство поверхностностей и двойников, номадических сингулярностей и всегда смещаемой случайной точки, искусство статичного генезиса, сноровка чистого события или

«четвертое лицо единичного числа», где не имеют силы ни сигнификация, ни десигнация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены (там же: 186).

Подход к юмору и иронии Делеза можно выразить формулой «глоттогенез vs. глоттония» (т. е. процесс говорения и поедания (там же: 41). При этом для Делёза «[ш]абаш глупости и злобности» творится не на оральном, а на пищеварительном фоне» (Делёз 1998: 190).

Любой неюмористический дискурс имеет пищеварительный оттенок, поскольку все слова либо поглощаются, либо изрыгаются. Человеку приходится выбирать: «либо ничего не говорить, либо поглощать, то есть съесть сказанные кем-то слова» (там же: 178). В такой ситуации спасением для человека является юмор как «двойное устранение высоты и глубины ради поверхности» (там же: 180). Для испытания правды герои «Менипповой сатиры» спускаются в Аид, как и героиня Кэрролла Алиса вначале спускается в подземелье, в норы, а затем всё больше скользит вдоль плоской поверхности Зазеркалья.

Делез сближается в своем взгляде на природу карнавализации с Бахтиным, когда в двадцать второй серии «Логики смысла» рассуждает о «контросуществовании», понимая его как

ничто, буффонаду, когда оно претендует быть тем, что могло бы случиться. Но подражать тому, что действительно происходит, дублировать осуществление контросуществованием, идентификацию — дистанцией, — как это делают настоящие актер и танцор, — значит дать истине события единственный шанс не слиться с его, события, неизбежным осуществлением. Это также значит позволить трещине парить над ее собственной бестелесной поверхностью, не попадая в тупик лопающихся внутри себя тел» (там же: 211–212).

Герои юмора, если следовать логике Делёза, представляют собой некое число разрывающихся на поверхности бытия бестелесных (виртуальных) сущих. Юмор и вся сфера смеховой стихии под углом делёзовских идей могла бы выглядеть как сопряжение эффектов, как фантом эмпирического опыта, как туман, поднимающийся от тел. Это очень напоминает паразитическую природу смеха, который надстраивается на фундаменте серьезного. В этом случае кантовское смеховое ничто и бунт против рассудка и культуры Козинцева для Делёза есть эффект тумана, возникающий в результате скольжения смеха вдоль поверхности материи. В ракурсе концепции карнавализации Бахтина рассуждения Делёза о кэрролловском нонсенсе представляется не чем иным, как карнавализацией, или карабканьем юмора из глубин серьезных жанров на поверхность смеховой литературы.

Идея Делёза о том, что любой смысл позволяет индивиду бесконечно регрессировать (Делёз 1998: 194), информируя как «о полном бессилии говорящего, так и о всеилии языка» (Делёз 2011: 44), близки антисемантической теории юмора

Козинцева, бросающей вызов всем семантическим теориям юмора. Кроме того, Делёз вплотную подходит к идее Козинцева о смеховом самоотрицании человека как вида, рассуждая о глупости непосредственной, и глупости, выступающей объектом философии (там же: 189). Делёз видит в глупости нечто большее, чем глупость индивида. Он видит глупость человечества как вида. Для него

Глупость — не основа и не индивид, но именно то отношение, при котором индивидуация извлекает основу, не в силах придать ей форму (она поднимается через Я, как можно глубже проникая в способность мышления, создавая неузнанное всякого узнавания) (там же: 190).

При том что Делёз не опирается в изучении юмора и иронии на этологические данные, он совершенно точно попадает в положения о разделении серьезных и несерьезных игр, когда рассуждает о глубине, что равно серьёзности животных и взрослых, и поверхностности детей, что равно несерьёзности Алисы Кэрролла.

Думается, что, как поклонник и теоретик нонсенса и парадокса Кэрролла, Делёз согласился бы с утверждением Козинцева о том, что «[н]ебывальщина и чёрный юмор — не экзотическая периферия, а, напротив, центр, где свойства юмора проявляются максимально отчётливо» (Козинцев 2005: 86).

Можно сделать вывод о том, что оригинальные суждения Делёза о сути различия между юмором и иронией являются значительным философским вкладом в формирование концепта «юмор против иронии», который получает мощный толчок для развития в трудах Бахтина и окончательно оформляется в эволюционной теории смеха Козинцева.

Литература

- Аликин 2012 — *Аликин В. А.* Й. Хейзинга и Ж. Делёз: об онтологических границах игры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1–2 (15). С. 13–16.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979.
- Бахтин 1990 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990.
- Бахтин 2000 — *Бахтин М. М.* Автор и Герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Академия, 2000.
- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
- Беляева 2015 — *Беляева Е. В.* Структура иронического // Философия и социальные науки. 2015. № 1. С. 47–52.
- Бодрийяр 2000 — *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

- Бурнаев 2006 — *Бурнаев А. Г. Ф. Ницше — Ж. Делёз: знаки танца* // Феникс. Ежегодник кафедры культурологии. Саранск: Красный Октябрь, 2006. С. 53–57.
- Делёз 1998 — *Делёз Ж. Различие и повторение*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
- Делёз 2011 — *Делёз Ж. Логика смысла*. М.: Академический проект, 2011.
- Ирицян 2014 — *Ирицян Г. Э. Культурологический посыл идей Ф. Ницше и Ж. Делёза* // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 30–34.
- Козинцев 2002 — *Козинцев А. Г. Фома и Ерема; Макс и Мориц; Бивис и Батхед: клоунские (шутовские, трикстерские) пары в трех культурах. Смех: истоки и функции*. СПб.: Наука, 2002. С. 186–210.
- Козинцев 2003 — *Козинцев А. Г. Карнавализация и декарнавализация: На грани природы и культуры* // Кунсткамера: Этнографические тетради. 2003. Вып. 13. С. 125–129.
- Козинцев 2005 — *Козинцев А. Г. Десемантизация как главная черта юмора и ее эволюционный смысл* // VI Конгресс этнографов и антропологов России, С.-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.: Тез. докл. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005.
- Козинцев 2007а — *Козинцев А. Г. Человек и смех*. СПб.: Алетейя, 2007.
- Козинцев 2007б — *Козинцев А. Г. Юмор: до и после иронии* // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 238–253.
- Козинцев 2008а — *Козинцев А. Г. Об антиреферентивной функции языка* // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик. С. 55–66.
- Козинцев 2008б — *Козинцев А. Г. Смеховая культура: поздние этапы* // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 57–66.
- Козинцев 2012 — *Козинцев А. Г. Юмор: на пути к общей теории. Фольклористика и культурная антропология сегодня. Тезисы и материалы международной конференции (Москва — Переславль-Залесский, 27 апреля — 2 мая 2012 г.)*. М.: РГГУ, 2012. С. 390–393.
- Козинцев 2013 — *Козинцев А. Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора* // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 143–162.
- Козинцев 2021 — *Козинцев А. Г. Чувства и роли в традиционной и посттрадиционной культуре. О сущности и культурных смыслах смеха и плача* // Смех и плач в традиционной культуре. Материалы VII Международной школы молодых фольклористов / ред.-сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: РИИИ, 2021. С. 10–19.
- Козинцев, Бутовская 1997 — *Козинцев А. Г., Бутовская М. Л. О детях, богах и обезьянах* // Этнографическое обозрение. 1997. Вып. 3. С. 111–115.
- Мусийчук 2021 — *Мусийчук М. В. Метаморфозы эмоций в период пандемии: контент анализ механизмов юмора в интернет* // Психологические проблемы личности и общества в условиях эпидемиологической угрозы. Сборник статей Всероссийской конференции с международным участием. М.: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2021. С. 396–407.
- Наумова 2016 — *Наумова Е. И. Делёз и Гваттари как архивариусы логики капитализма* // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 1 (19). С. 127–135.

- Песок 2004 — *Песок Л.* Бумажный клоун, или Четвертое лицо единственного числа. Иерусалим: Bester Ltd, 2004.
- Пилюгина 2014 — *Пилюгина Е. В.* Ален Бадью: исчисление события и противостояние Жюлю Делёзу // *Studia Humanitatis*. 2014. № 3.
- Семенова 2020 — *Семенова Е. А.* Клоун vs рэпер (инвективы в онлайн и офлайн рэп поединках) // *Наука телевидения*. 2020. Т. 16, № 3. С. 89–104. DOI: 10.30628/1994-9529-2020-16.3-89-104.
- Сычева 2003 — *Сычева С. Г.* Специфика языка философии: Ж. Делёз и Ф. Гваттари // *Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект)*. Г. Г. Шпет / *Comprehensio*. Четвёртые Шпетовские чтения. Сер. «Научные доклады» / отв. ред. О. Г. Мазаева, 2003. С. 408–415.
- Фархитдинова 2004 — *Фархитдинова О. М.* Ирония: проблема определения и роль в философском познании: автореферат дис. ... к. филос. н. Екатеринбург: УрГУ, 2004.
- Bearn 2000 — *Bearn G.* Differentiating Derrida and Deleuze // *Continental Philosophy Review*. 2000. Vol. 33, no. 4. P. 441–465. DOI: 10.1023/A:1026518220135.
- Cull 2009 — *Cull L.* Differential presence: Deleuze and performance: PhD dissertation. University of Exeter, 2009.
- Foucault 1977 — *Foucault M.* Language, Counter-Memory, Practice. Ithaca: Cornell University Press, 1977.
- Johnson 2012 — *Johnson A.* On Honesty and Deceit: An Interpretation of Difference and Repetition // *Philosophy Study*. 2012. Vol. 2, no. 5. P. 301–313.
- Kozintsev 2015 — *Kozintsev A.* War propaganda and humour: World War II German, British, and Soviet cartoons // *War Matters: Constructing Images of the Other (1930s to 1950s)*. Editions l'Harmattan, 2015. P. 84–107. URL: <http://www.lira.hu/hu/konyv/szepirodalom/idegen-nyelvu/war-matters-constructing-images-of-the-other-1930s-to-1950s> (accessed: 28.04.2022).
- Robaszkiewicz 2014 — *Robaszkiewicz J.* [Review of:] Deleuze and Research Methodologies / ed. by R. Coleman, J. Ringrose. Edinburgh University Press, Edinburgh, 2014 // *Kultura Współczesna*. 2016. No. 3. P. 206–215.
- Rose, Semenova 2021 — *Rose M. A., Semenova E. A.* Bakhtin on parody // *Бахтинский вестник*. 2021. № 6. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/2021-%e2%84%966/> (accessed: 25.04.2022).
- Smith 2005 — *Smith D. W.* The Inverse Side of the Structure: Žižek on Deleuze on Lacan // *Criticism*. 2005. Vol. 46, no. 4. P. 635–650. DOI: 10.1353/crt.2005.0019.